БИБЛІОТЕКА
НАРОДНОЙ СВОБОДЫ

№ 8.

Н. Н.

Какъ совершился великій переворотъ.

Цѣна 20 коп.

Типографія т./д «МЫСЛЬ», Петровка, 17.

Какъ совершился великій переворотъ.

Въ Россіи совершился великій переворотъ. Старый строй, давно сгнившій въ самыхъ своихъ основаніяхъ, старая власть, давно окруженная общею острою ненавистью русскаго норода, сметены могучимъ, дружнымъ натискомъ всего народа, всѣхъ его сословій. У разныхъ слоевъ русскаго народа есть свои различные интересы, но у всѣхъ у нихъ назрѣло одно общее чувство и одно общее сознаніе — чувство ненависти къ старому строю и къ произвольнымъ вершителямъ судебъ родины и сознаніе, — что такъ дальше жить нельзя, что въ этихъ порядкахъ Россія задохнется, что этими порядками будетъ она приведена и къ позору пораженія, и къ великой хозяйственной разрухѣ. Великій народъ, созрѣвшій для великой, свободной, самостоятельной жизни, все еще хотѣли водить на помочахъ тѣ, кому это было выгодно, кто къ этому привыкъ, все еще относились къ нему, какъ къ какому-то несмышленому младенцу или темному рабу, у котораго должно быть только одно—рабья покорность, вмѣсто чувствъ гражданина и сознанія,

что онъ—хозяинъ своей страны и ея судебъ. Душа и мысль русскаго народа давно выросли изъ тѣхъ формъ, въ какихъ продолжали заставлять его жить, въ которыя его загоняли насильственно, гася торопливо каждый занимающійся свѣтъ, отвѣчая разстрѣлами, висѣлицами, каторгой, Сибирью, тюрьмами на всѣ его попытки выйти, наконецъ, на волю. Тѣ, которые хотѣли, во что бы то ни стало, удержать за собою власть и выгоды прежняго положенія, были изобрѣтательны на мѣры подавленія, были организованы, имѣли въ своихъ рукахъ цѣлый аппаратъ надзора за страной и опирались на силу штыковъ, увѣренные, что эти штыки, ружья, пулеметы—они ихъ не предадутъ, они всегда помогутъ побѣдить «внутренняго врага», т. е. въ сущности всю страну. Носители старой власти, представители стараго угнетенія не разсчитали только одного, что, вѣдь, штыки—мертвые, оживаютъ они лишь въ рукахъ человѣка, а человѣкъ, который ихъ держитъ, уже сталъ другой, пересталъ быть послушною машиной. Такъ назрѣвало русское народное сознаніе, сознаніе всѣхъ его частей, и такъ назрѣвала русская сила, чтобы въ какой-нибудь моментъ со всею мощью ударить противъ угнетателей и позорниковъ, опрокинуть ихъ и дать Россіи свободу и свободную государственную жизнь. Старый порядокъ, старая власть гнили, разъѣдаемые своими пороками, своими болѣзнями, а народъ крѣпъ и мужалъ. И тому, кто внимательно вглядывался въ русскую жизнь, было ясно, что такъ

продолжаться долго не можетъ, что ужъ близокъ часъ,—и гнилыя подпорки рухнутъ, повалится проклятый домъ стараго строя, разсыплется гнилою пылью. Такъ было неизбѣжно. И такъ случилось. Старое рухнуло, восходитъ надъ Россіей, надъ дорогою каждому изъ насъ родиною! прекрасное солнце новой жизни!

Дологъ былъ бы разсказъ о томъ, какъ постепенно подготовлялось то, что разразилось, какъ благодатная гроза, въ послѣдніе дни февраля и первые дни марта этого года, отнынѣ знаменательнѣйшаго года въ лѣтописякъ Россіи. Собственно, исторія переворота восходитъ далеко въ прошлое, входитъ въ эту исторію все движеніе русской общественности. Упалъ созрѣвшій плодъ быстро, но зрѣлъ онъ медленно, медленно наливался соками общерусскаго сознанія.

Задача этой небольшой книжечки — ограниченная, она будетъ говорить лишь о самой послѣдней части исторіи великаго переворота, о событіяхъ, которыя непосредственно предшествовали великой русской революціи, собственно уже входятъ въ кругъ этой революціи, хотя, когда совершались, еще не носили этого имени, и сами ихъ участники, можетъ быть, еще не были вполнѣ увѣрены, что уже вступаютъ они на тотъ путь, естественное завершеніе котораго—полное ниспроверженіе стараго строя, низложеніе династіи и переходъ Россіи къ новымъ формамъ государственной жизни.

Если такъ ограничить задачу описанія перево-

рота, то разсказъ, думается, нужно начинать со дня 1-го ноября, когда въ Государственной Думѣ выступилъ съ своей сильною, на громъ похожею рѣчью П. Н. Милюковъ. Эта рѣчь была первымъ въ цѣпи ударовъ по старому строю ударомъ, очень сильнымъ, сокрушительнымъ. Она пробила первую брешь въ стѣнѣ. Рѣчь Милюкова была направлена главнымъ образомъ противъ тогдашняго перваго министра и руководителя судьбами Россіи, Штюрмера. На основаніи богатаго матеріала, собранныхъ имъ фактовъ, Милюковъ доказывалъ, что этотъ премьеръ-министръ по недомыслію ли или по злой волѣ, по глупости ли или по предательству, но ведетъ Россію неуклонно къ гибели, роетъ для родины глубокую яму. Если онъ останется у власти, Россія свалится въ эту яму позора, пораженія и разоренія. Но не объ одномъ только Штюрмерѣ была тутъ рѣчь. Милюковъ коснулся и тѣхъ, которые стояли надъ нимъ, тѣхъ, отъ кого онъ получилъ власть, чьею силою, наперекоръ желанію Государственной Думы и всей страны, оставался у кормила правленія и велъ корабль русскаго государства прямо на сокрушительныя скалы. Милюковъ открыто говорилъ о кружкѣ вокругъ царицы, о позорныхъ придворныхъ вліяніяхъ, о Распутинѣ, въ которомъ особенно ярко выразились вся гниль высшихъ сферъ и разложеніе трона. Каждая фраза этой рѣчи была какъ ударъ. Дума была потрясена. И было всѣмъ ясно, что этою рѣчью открывается начало конца. Можетъ быть, еще сумѣютъ на нѣ-

которое время задержать ходъ событій, но ужъ скоро хлынутъ бурные потоки въ пробитую 1-го ноября брешь.

Конечно, и на власть эта рѣчь произвела великое впечатлѣніе. И первое, что она сдѣлала, — поспѣшила скрыть эту рѣчь отъ народа. Газетамъ было строжайше запрещено ее огласить, хотя она прошла черезъ цензуру предсѣдателя Думы и имъ была пропущена къ оглашенію. Вмѣсто рѣчи въ газетахъ были длинныя бѣлыя полосы. Старое правительство наивно думало, что такъ оно надежно застраховало себя. Оно ошиблось. Прошелъ день, и во множествѣ экземпляровъ эта рѣчь уже читалась русскими гражданами. Московскій комитетъ партіи народной свободы сначала на ротаторѣ, потомъ и типографскимъ станкомъ размножилъ рѣчь. И всѣ ее узнали. У слѣпыхъ и то открылись глаза. Даже у представителя верховной власти. Народному представительству была сдѣлана уступка—Штюрмеръ былъ смѣщенъ. Но старая власть, пожертвовавъ Штюрмеромъ, не соглашалась жертвовать ничѣмъ больше. Напротивъ, она скоро оправилась отъ ошеломляющаго удара, бросила колебанія и круто взяла направо, поставивъ во главѣ кабинета ничтожнаго, безсильнаго Голицына и снабдивъ самыми большими полномочіями Протопопова, хотя она отлично знала, что съ нимъ меньше, чѣмъ съ кѣмъ-нибудь, согласится работать Государственная Дума. Были лицемѣрныя слова о признаніи необходимости согласной и довѣрчивой

работы съ народнымъ представительствомъ, а подъ этою лицемѣрною маской крылось и было всѣмъ понятно и намѣреніе какъ-нибудь раздѣлаться съ Государственной Думой и начать хозяйничать безконтрольно, по полному своему усмотрѣнію и произволу. Наступила полоса реакціи. Жизнь, словно, замерла въ Россіи.

Въ серединѣ декабря былъ убитъ Распутинъ. То, что творилось при дворѣ, въ покояхъ царя и царицы, возмутило даже самыхъ къ нимъ близкихъ лицъ, членовъ царской семьи. Въ ихъ глазахъ источникомъ всего зла былъ Распутинъ. Имъ казалось, что не станетъ его, — и царь съ царицей одумаются, подпадутъ подъ другія вліянія, тронъ перестанетъ шататься. Имъ не было видно, что Распутинъ—лишь одна изъ пѣшекъ исторіи, имъ не было видно, что трона уже ничѣмъ не укрѣпить, что онъ качается во-всю, не можетъ не повалиться. Слова о батюшкѣ-царѣ, о матушкѣ-царицѣ, столь дорогія будто бы русскому сердцу, давно обратились въ сказку, въ ложь. И, можетъ быть, только самъ царь и царица, да ближайшіе ихъ слуги, въ родѣ Протопопова, еще вѣрили въ это, потому что хотѣли вѣрить. Убійство Распутина было принято во дворцѣ, какъ величайшее горе. День растерянности,—когда печать сумѣла оповѣстить объ этомъ,—и затѣмъ изъ убійства была сдѣлана какая-то государственная тайна. А Распутина хоронили чуть-что не какъ царскую особу. И этимъ былъ вытравленъ послѣдній остатокъ ка-

кого-либо уваженія къ царю, этимъ раскрывались глаза у послѣднихъ слѣпыхъ. На убійство Распутина царь готовъ былъ отвѣтить введеніемъ диктатуры, наступить тяжелою ногою на всю страну. И если не осуществилась диктатура формально, то фактически положеніе въ Россіи было къ тому очень близкое.

Дума и общественныя организаціи, однако, наперекоръ всѣмъ стѣсненіямъ, продолжали свою работу и наносили ударъ за ударомъ, все чаще называли совершающіяся преступленія передъ страной своими подлинными именами. Рѣчи эти запрещались къ оглашенію, были случаи, когда запрещали не только огласить рѣчь, но даже сказать, что такимъ то депутатомъ была произнесена рѣчь. Такъ было, между прочимъ, съ рѣчами Родичева, Керенскаго и Чхеидзе. Правда отъ страны скрывалась тщательно, и готовились ей все новые удары. Но страна правду узнавала, и вся она, всѣ ея классы наливались гнѣвомъ. Онъ просачивался то тамъ, то тутъ,—то въ рѣчи Рябушинскаго во время пребыванія въ Москвѣ представителей союзныхъ государствъ, то въ телеграммахъ разныхъ общественныхъ организацій. Гнѣвъ подступалъ къ горлу. И со всею смѣлостью, многимъ рискуя, говорили гнѣвно и такіе элементы страны, которые пріучены къ осторожности, обычно не обладали боевымъ темпераментомъ.

А жизнь, разоренная, разстроенная неумѣлыми, а то злонамѣренными мѣрами старой власти, шла

своимъ чередомъ. Начались волненія на почвѣ безхлѣбицы, особенно остро ощутившейся въ Петроградѣ. О томъ, что такъ будетъ, что столицы останутся безъ достаточнаго запаса хлѣба и вообще продовольствія, старое правительство многократно предупреждалось земскимъ и городскимъ союзомъ, земствами, городскими думами. Указывалось съ ясностью, доведенной до очевидности, что мѣрами правительства, пестрыми, несогласованными, всегда запаздывающими и, главное, неискренними, разстроенъ весь аппаратъ хлѣбной торговли, все дѣло снабженія страны и арміи. Указывалось, что Россію ведутъ къ катастрофѣ. Но старая власть не внимала этимъ голосамъ предостерегающимъ, рвавшимся изъ глубинъ наболѣвшей, измученной русской души. Все оставалось по старому, или накладывалась нелѣпая заплата на гнилое платье.

И вотъ въ двадцатыхъ числахъ февраля начались въ Петроградѣ волненія, дѣлались съ каждымъ днемъ сильнѣе,—волненія изъ-за недостатка хлѣба. Назрѣвали они и въ Москвѣ, хотя тутъ не получили такой остроты. И старая власть, конечно, рѣшила бороться съ этимъ старыми, такъ ею испытанными средствами. Вы просите хлѣба, кричите о хлѣбѣ? Мы вамъ дадимъ не камень, но пули, мы вамъ дадимъ удары ногаекъ и штыковъ. Вѣдь, войско—наше. Чего же бояться! Пулеметы были уже наготовѣ. Протопоповъ, ведшій свою безумную игру, не могъ не предвидѣть взрыва. И пулеметы, вмѣсто того, чтобы отправляться на фронтъ

и направиться противъ германскаго врага, задерживались въ Петроградѣ, разставлялись по крышамъ домовъ, по колокольнямъ церквей. Говорятъ, полторы тысячи пулеметовъ приготовилъ Протопоповъ въ Петроградѣ, чтобы ударить изъ нихъ по изголодавшемуся народу. Уже давно обучали полицейскихъ стрѣльбѣ изъ пулеметовъ, и въ Петроградѣ, и въ Москвѣ, и другіе города командировали сюда своихъ полицейскихъ — учиться этой наукѣ, учиться, какъ расправляться съ народомъ.

Петроградскіе безпорядки усиливались. Полиція начала дѣйствовать во-всю. Раздавались выстрѣлы, падали на мостовыхъ раненые, убитые, — первыя жертвы великой русской революціи. Двинули для усмиренія войска. Но войска съ первыхъ же минутъ обманули вѣру въ нихъ старыхъ насильниковъ Россіи. Большая ихъ часть, пока еще не заявляя прямого отказа стрѣлять, не стрѣляла или стрѣляла въ воздухъ. Были случаи, что къ толпѣ подскакивали казаки, низко припавъ къ лошадямъ, останавливались, шептались: «не бойтесь, мы трогать васъ не будемъ», и проносились дальше. А былъ случай, что казаки, увидавъ расправу полицейскихъ съ толпою у Николаевскаго вокзала, поспѣшили оттѣснить полицейскихъ. Нѣкоторыя воинскія части прямо заявили, что не выйдутъ изъ казармъ на усмиреніе. Правительство заметалось, чуя, что начинается для него катастрофа, но еще не хотѣло себѣ въ этомъ сознаться, еще кичилось полнотою власти и твердостью, все старалось на-

ладить свой былой аппаратъ усмиренія. Вело лицемѣрную, но уже никого не обманывавшую игру съ Государственной Думой, увѣряя ее, что будетъ работать съ нею, пойдетъ ей навстрѣчу. Такъ увѣрялъ кн. Голицынъ даже и 26-го февраля, хотя онъ уже зналъ о постановленіи Думы — не имѣть ничего общаго съ правительствомъ, обагрившимъ себя народною кровью, и хотя въ карманѣ у него уже былъ вызванный, вѣроятно, этимъ постановленіемъ указъ о роспускѣ Государственной Думы, подписанный еще 25-го февраля и державшійся въ невѣдомыхъ видахъ въ секретѣ. Этотъ указъ—последній актъ за подписью Николая II. Слѣдующій за нимъ актъ съ этою подписью — уже актъ объ отреченіи отъ престола, вынужденный разливомъ событій. Послѣднее свободное волеизъявленіе бывшаго царя, послѣдняго Романова на престолѣ — о роспускѣ народныхъ представителей въ такой тяжелый, роковой моментъ жизни многострадальной страны, во-истину—ударъ въ спину.

Депутатамъ, которые сошлись въ Таврическій дворецъ, полные тяжелыхъ впечатлѣній, какими во множествѣ дарила ихъ петроградская улица, оглашаемая выстрѣлами, трескотней пулеметовъ, было приготовлено серьезное испытаніе. Предстояло имъ рѣшить, подчиниться ли указу о роспускѣ, признать за нимъ силу и покорно разойтись, оставивъ Петроградъ и страну на произволъ судебъ, или же прямо и смѣло встать на открытый путь разрыва со старою властью и съ покрывающимъ ее монар-

хомъ, стать на путь явно революціонный. Отъ рѣшенія зависѣло весьма многое. Если бы Государственная Дума не оказалась въ этотъ день на высотѣ момента, не въ соотвѣтствіи съ его грозностью, если бы хотя на день прервала она свое бытіе,—у русской революціи отъ самаго начала не оказалось бы центра, той точки, вокругъ которой сгруппировались бы ея силы. И кто возьмется предсказать съ увѣренностью, каковъ былъ бы въ такомъ случаѣ дальнѣйшій ходъ событій. Во всякомъ случаѣ, онъ былъ бы иной, чѣмъ оказался въ дѣйствительности. Но Дума, въ послѣдніе мѣсяцы, особенно начиная съ 1-го ноября, воспитывалась въ революціонномъ духѣ, и воспитателями ея въ этомъ духѣ была прежде всего сама же старая власть. И Дума нашла въ себѣ и государственное благоразуміе, и гражданское мужество встать на вѣрный путь. Въ этомъ ея громадная заслуга передъ Россіей. Великія событія подняли четвертую Думу до своей чрезвычайной высоты, и она сумѣла быть на этой высотѣ, она стала важнымъ факторомъ русской великой революціи. Тутъ только многіе изъ депутатовъ со всею отчетливостью поняли, какъ глубоко былъ правъ Милюковъ, такъ упорно твердившій въ теченіе ряда лѣтъ: первѣе всего берегите Государственную Думу, ей еще придется, можетъ быть, сыграть историческую роль, она еще, можетъ-быть, понадобится для важнѣйшаго дѣла. Пробилъ часъ, и Дума эту роль сыграла, явилась силою, организующею революцію, способ-

ствовала ей влиться въ нѣкоторое правильное русло, и на мѣсто власти старой, сметенной революціоннымъ натискомъ, поставить новую временную власть, авторитетную въ глазахъ страны и способную провести Россію черезъ всѣ подводные камни, черезъ всѣ опасности къ тому учредительному собранію, которое опредѣлитъ новый государственный укладъ.

Собравшись въ частномъ совѣщаніи, члены Государственной Думы возложили на свой высшій органъ, совѣтъ старѣйшинъ, выработать ту систему мѣръ, какія могли бы внести порядокъ въ пришедшую въ бурное состояніе жизнь. Вмѣстѣ съ тѣмъ совѣщаніе приняло рѣшеніе — депутатамъ не расходиться, всѣмъ быть на мѣстахъ и быть готовыми. Совѣтъ старѣйшинъ послѣ долгихъ обсужденій положенія и тѣхъ рѣшеній, какія должны быть имъ приняты, наконецъ, постановили образовать временный исполнительный комитетъ Государственной Думы, и ему передать власть, выпавшую изъ рукъ стараго правительства. Составъ комитета былъ намѣченъ, предсѣдателемъ его долженъ былъ быть предсѣдатель Думы М. В. Родзянко. Не безъ колебаній, послѣ раздумій долгихъ и тяжелыхъ для него, далъ онъ, наконецъ, свое согласіе стать во главѣ исполнительнаго комитета. И 27-го февраля, ровно въ полночь, этотъ исполнительный комитетъ былъ окончательно образованъ, въ составѣ депутатовъ, представителей всѣхъ партій, кромѣ правыхъ,—А. Ф. Керенскаго,

Н. С. Чхеидзе, В. В. Шульгина, П. Н. Милюкова М. А. Караулова, А. И. Коновалова, И. И. Димитрюкова, В. А. Ржевскаго, С. И. Шидловскаго, Н. В. Некрасова и В. Н. Львова. Такова была первая власть, вынесенная волнами революціи.

Еще до того, какъ образовался этотъ комитетъ, сталъ складываться, тамъ же, въ Таврическомъ дворцѣ, и другой центръ, другой органъ направленія революціоннаго движенія, разроставшагося въ Петроградѣ, все съ большею силою и неудержимою стремительностью. Этотъ органъ — совѣтъ рабочихъ депутатовъ, изъ выборныхъ представителей заводовъ и фабрикъ, возставшихъ воинскихъ частей и соціалистическихъ и демократическихъ партій и группъ. Совѣтъ этотъ, вызванный къ бытію революціей, ставилъ своею задачей организовать народныя силы и борьбу за окончательное упроченіе политической свободы и народнаго правленія въ Россіи. И эти два органа, разнородные по своему классовому составу, но вышедшіе изъ общаго лона, изъ нѣдръ революціоннаго движенія, стали работать для той же общей цѣли, которую вѣрнѣе всего опредѣлить какъ организацію революціоннаго движенія, для приданія ему не хаотическаго, но правильнаго стройнаго характера и порядка.

Еще въ моментъ сформированія думскаго исполнительнаго комитета стали притекать къ Таврическому дворцу возставшія, вставшія на сторону народа и свободы воинскія части Петрограда. Лишь

тѣмъ, что и народъ-армія, что войска примкнули рѣшительно и быстро къ движенію, объясняется та быстрота и полная побѣдоносность, съ которыми совершился переворотъ, сначала въ Петроградѣ, затѣмъ въ Москвѣ, слѣдомъ за столицами — на всемъ необъятномъ пространствѣ великой Россіи и на ея боевыхъ фронтахъ. Наша революція была въ полномъ смыслѣ народно-военная, и было такъ потому, что война сдѣлала войско и народъ понятіями почти однозначущими. Встали на сторону революціи и ея знамена, и солдаты и офицеры, въ очень многихъ частяхъ Петрограда почти весь командный ихъ составъ. А въ тѣхъ частяхъ, гдѣ по началу было разногласіе, поведеніе солдатъ, одной части офицерства и другой части офицерства не совпадало, скоро эти разногласія также уничтожились. И весь петроградскій гарнизонъ, какъ затѣмъ —весь московскій гарнизонъ оказался на сторонѣ новаго строя и той власти, которая встала во главѣ новой Россіи, омытой водами революціи.

Первыми подошли къ Таврическому дворцу волынцы, которымъ готовили роль усмирителей Думы и народа, но которые, сознавая подлинный смыслъ того, что происходитъ, эту роль перемѣнили на обратную и явились къ Думѣ со своею поддержкой. А затѣмъ стали подходить и другія части или разрозненныя военныя массы. И Таврическій дворецъ, тотъ думскій комитетъ и рабочій совѣтъ, которые въ немъ сидѣли, стали быстро обрастать великою силою. Не буду послѣдовательно переда-

вать, какъ совершался этотъ переходъ войскъ на сторону народа, и тѣ полныя волнующаго величія сцены, когда члены думскаго комитета встрѣчали войска и обращались къ нимъ съ рѣчами привѣтствія, признательности и выясненія смысла происшедшаго и ставимыхъ имъ трудныхъ, но грандіозно прекрасныхъ задачъ. Войска, народное представительство, рабочее представительство спаивались черезъ эти демонстраціи все крѣпче, и эти спайки оказались затѣмъ много сильнѣе, чѣмъ тѣ случайныя разнорѣчія, которыя обнаруживались позднѣе, въ слѣдующіе дни революціи, вызывали временную тревогу, но не разбили единства, не разъединили революціонныя силы. Чувство государственнаго самосохраненія подсказало, что въ такихъ разъединеніяхъ, чѣмъ бы они ни подсказывались, таится гибель для новой Россіи, для ея революціонныхъ завоеваній. И это чувство надо всѣмъ восторжествовало.

Временный комитетъ обратился къ населенію съ воззваніемъ, въ которомъ указалъ, что онъ «при тяжелыхъ условіяхъ внутренней разрухи, вызванной мѣрами стараго правительства, нашелъ себя вынужденнымъ взять въ свои руки возстановленіе государственнаго и общественнаго порядка. Сознавая всю отвѣтственность принятаго имъ рѣшенія, комитетъ выражаетъ увѣренность, что населеніе и армія помогутъ ему въ трудной задачѣ созданія новаго правительства, соотвѣтствующаго желаніямъ населенія и могущаго пользоваться его довѣріемъ». Совѣтъ

рабочихъ депутатовъ обратился съ воззваніемъ, въ которомъ говорилъ, что «борьба еще продолжается, должна быть доведена до конца. Старая власть должна быть окончательно низвергнута и уступить мѣсто народному правленію. Въ этомъ спасеніе Россіи. Для успѣшнаго завершенія борьбы въ интересахъ демократіи народъ долженъ создать свою собственную властную организацію». Воззваніе заканчивалось призывомъ: «всѣ вмѣстѣ общими силами будемъ бороться за полное устраненіе стараго правительства и за созывъ учредительнаго собранія, избраннаго на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права». Такъ былъ тотъ лозунгъ, такъ была указана та цѣль, которые затѣмъ стали опредѣляющими для всего движенія, для жизни Россіи послѣ революціоннаго переворота.

Старая власть, старый совѣтъ министровъ еще не хотѣлъ сдаваться, еще разсчитывалъ, что сумѣетъ повернуть назадъ колесо исторіи, отмѣнить ея приговоръ и все вернуть въ старое состояніе. Какъ до переворота эта власть не понимала, куда ведетъ Россію, такъ и теперь, когда переворотъ уже совершался, уже совершился, она не понимала великаго смысла происходящаго и оставалась при своихъ безумныхъ надеждахъ. Совѣтъ министровъ засѣдалъ въ Маріинскомъ дворцѣ, потомъ оттуда выбрался всякими черными ходами, когда двинулась къ этому мѣсту толпа народа и солдатъ. Перебрался, говорятъ, въ градоначальство, но и тамъ

почувствовалъ себя въ недостаточной безопасности, перешелъ въ адмиралтейство, въ помѣщеніе морского министерства, подъ охрану тамъ сосредоточенныхъ войскъ и пулеметовъ. Но и эта цитадель оказалась совершенно ненадежной. Министры, наконецъ, поняли, что неизбѣжное совершилось, что ихъ часъ пробилъ, возврата къ старому, къ ихъ власти надъ Россіей уже нѣтъ. Министры разбрелись въ разныя стороны, по своимъ или своихъ знакомыхъ квартирамъ. Начались аресты. Первою ласточкой въ Таврическомъ дворцѣ былъ бывшій министръ юстиціи, такъ долго и такъ нагло издѣвавшійся надъ русскимъ правосудіемъ, водворившій въ судахъ неправду черную, потомъ недолгій предсѣдатель государственнаго совѣта, одинъ изъ главныхъ оплотовъ реакціи Щегловитовъ. За нимъ были приведены другіе арестованные министры и другіе сановники и чиновники. Аресты въ первую минуту дѣлались безпорядочно, часто — „охотниками", дѣйствовавшими по своему почину. Потому были и промахи, случайности, попадали подъ арестъ и такіе, которые не грозили новому строю опасностью. Все это скоро было упорядочено, зря арестованные выпущены на свободу. Такъ былъ выпущенъ на волю митрополитъ Питиримъ. Министерскій павильонъ въ Таврическомъ дворцѣ, куда отводили приведенныхъ арестованныхъ, превратился въ эти дни въ мѣсто предварительнаго заключенія. И кого только не было тамъ въ эти дни!

На улицахъ Петрограда еще шло волненіе, было

оно еще и въ нѣкоторыхъ войсковыхъ частяхъ, оставалось безъ регулированія снабженіе столицы провіантомъ, требовали неотложнаго, безъ промедленія на одинъ часъ, урегулированія самые различные вопросы. Всѣми отчетливо сознавалась великая необходимость создать быстро временное правительство, которому могла бы быть увѣренно и спокойно вручена думскимъ комитетомъ и рабочимъ совѣтомъ, ставшимъ уже совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, вся полнота власти. Но это былъ вопросъ очень трудный. Серьезное осложненіе создалось подъемомъ общественнаго настроенія и энергичной дѣятельностью лѣвыхъ политическихъ организацій",—говорится въ той радіотелеграммѣ, которая была позднѣе разослана по всей странѣ и за границу. Но, говоритъ та же радіотелеграмма —рабочее населеніе Петрограда проявилс большое политическое благоразуміе и, понявъ опасность, грозившую столицѣ и странѣ, въ ночь на 2-е марта сговорились съ временнымъ комитетомъ Думы относительно предполагаемаго направленія реформъ и политической дѣятельности послѣдняго, такъ и относительно собственной поддержки будущаго правительства въ предѣлахъ объявленныхъ имъ политическихъ намѣреній". Проекты выработанные обѣими сторонами, получили почти единогласное одобреніе на тысячномъ собраніи рабочихъ, происходившемъ въ ночь на 2-е марта. Противъ голосовали только 15 чел.

Опираясь на все это, комитетъ Думы присту

пилъ къ образованію временнаго правительства, какъ завершающаго момента этой стадіи революціи. Одинъ изъ министерскихъ портфелей былъ предложенъ А. Ф. Керенскому, самому яркому представителю въ Государственной Думѣ лѣваго ярко демократическаго теченія, стоявшему во главѣ совѣта рабочихъ депутатовъ въ качествѣ его товарища предсѣдателя. Слишкомъ ясна была важность участія Керенскаго во временномъ правительствѣ и для комитета Думы, и для намѣчаемыхъ членовъ временнаго правительства, и для самого Керенскаго. Многое ставилось на карту. А. Ф. Керенскій зналъ, что совѣтъ рабочихъ депутатовъ относится къ вступленію въ правительство его представителя несочувственно. И колебался. Но въ немъ громко, превыше всего заговорилъ патріотъ въ идеальномъ смыслѣ этого слова, въ немъ громко заговорилъ русскій гражданинъ, сознающій все грозное значеніе момента, который переживаетъ родина. И Керенскій далъ свое согласіе, принялъ портфель министра юстиціи,—принялъ, такъ сказать, на свой рискъ, покорный велѣнію совѣсти. Тотчасъ же затѣмъ явился въ собраніе совѣта рабочихъ депутатовъ, заявилъ о только что имъ сдѣланномъ шагѣ. Во всей картинѣ петроградскаго переворота этотъ моментъ рисуется какъ одинъ изъ самыхъ потрясающихъ. Керенскій заявилъ о своемъ рѣшеніи, прибавилъ, что или совѣтъ рабочихъ депутатовъ его шагъ одобритъ, выразитъ ему свое довѣріе, или онъ, Керенскій, изъ комнаты

собранія живымъ уже не уйдетъ. Секундная пауза, казавшаяся пережившимъ ее безконечностью, — и грянулъ настоящій громъ рукоплесканій. Шагъ былъ одобренъ, полное довѣріе выражено, между прочимъ, въ актѣ переизбранія Керенскаго товарищемъ предсѣдателя совѣта. Еше одинъ важный рубежъ перейденъ.

Временное правительство образовалось. Во главѣ его, въ качествѣ предсѣдателя совѣта министровъ и министра внутреннихъ дѣлъ, — кн. Г. Е. Львовъ, который такъ высоко выросъ во всероссійскомъ уваженіи и признаніи за время войны въ качествѣ главнаго руководителя всероссійскаго земскаго союза. Остальной составъ временнаго правительства: министръ иностранныхъ дѣлъ — П. Н. Милюковъ, вожакъ партіи народной свободы, испытанный за нее борецъ, тѣмъ глубоко ненавистный „черной сотнѣ“, сановитой Россіи и двору, и одинъ изъ лучшихъ у насъ знатоковъ вопросовъ внѣшней политики; министръ военный и временно морской—А. И. Гучковъ, событіями послѣднихъ лѣтъ рѣшительно сдвинутый съ своихъ прежнихъ позицій октябриста, знатокъ военнаго дѣла и снабженія арміи, ведшій самую ожесточенную кампанію со старымъ строемъ, первый разоблачившій Сухомлинова, первымъ поднявшій голосъ противъ порядковъ въ нашемъ старомъ военномъ вѣдомствѣ; министръ путей сообщенія—Н. В. Некрасовъ, товарищъ предсѣдателя Госуд. Думы, стоящій на крайней лѣвой кадетской партіи. министръ тор-

говли и промышленности А. И. Коноваловъ, организаторъ военно-промышленнаго комитета и тамъ стойкій защитникъ рабочей группы, на которую столько дѣлалось покушеній старой власти, министръ финансовъ — М. В. Терещенко, извѣстный работой въ томъ же, что Коноваловъ направленіи, на югѣ; министръ народнаго просвѣщенія — А. А. Мануиловъ, бывшій ректоръ московскаго университета, съ такимъ мужествомъ возставшій противъ покушеній Кассо на народное просвѣщеніе и на университетскую автономію, всею Россіей, и русскими учеными, и русскою университетскою молодежью признанный самымъ вѣрнымъ борцомъ за университетскую свободу; министръ земледѣлія— А. И. Шингаревъ, одинъ изъ блестящихъ лидеровъ думской оппозиціи, въ послѣдніе передъ переворотомъ дни нанесшій съ думской трибуны самые тяжелые удары политикѣ Риттиха; министръ-оберъ-прокуроръ синода—Вл. Львовъ, всегда горячо ратовавшій за обновленіе нашего церковнаго строя; и, наконецъ, министръ юстиціи, какъ отмѣчено выше, А. Ф. Керенскій, лидеръ крайней лѣвой въ Государственной Думѣ, пользующійся самымъ широкимъ довѣріемъ демократическихъ массъ Россіи, народный трибунъ, показавшій себя во время переворота настоящимъ народнымъ героемъ. Этотъ составъ временнаго правительства получилъ полное одобреніе и совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, какъ и та программа, съ которою временное правительство выступило передъ страной. Въ

этой программѣ воплощены всѣ завѣтнѣйшія чаянія русскаго народа, въ этой программѣ—тѣ ближайшіе шаги, которые предстоитъ сдѣлать подъ руководствомъ новой власти обновленной Россіи. Вотъ эта программа въ дословной передачѣ.

1. Полная и немедленная амнистія по всѣмъ дѣламъ политическимъ и религіознымъ, въ томъ числѣ террористическимъ покушеніямъ, военнымъ возстаніямъ и аграрнымъ преступленіямъ и т. д.

2. Свобода слова, печати, союзовъ, собраній и стачекъ, съ распространеніемъ политическихъ свободъ на военнослужащихъ въ предѣлахъ, допускаемыхъ военно-техническими условіями.

3. Отмѣна всѣхъ сословныхъ, вѣроисповѣдныхъ и національныхъ ограниченій.

4. Немедленная подготовка къ созыву на началахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія учредительнаго собранія, которое установитъ форму правленія страны.

5. Замѣна полиціи народной милиціей съ выборнымъ начальствомъ, подчиненнымъ органамъ мѣстнаго самоуправленія.

6. Выборы въ органы мѣстнаго самоуправленія на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія.

7. Неразоруженіе и невыводъ изъ Петрограда воинскихъ частей, принимавшихъ участіе въ революціонномъ движеніи.

8. При сохраненіи строгой воинской дисциплины въ строю и при несеніи военной службы — устра-

неніе для солдатъ всѣхъ ограниченій въ пользованіи общественными правами, предоставленными всѣмъ остальнымъ гражданамъ.

Къ этой программѣ временное правительство прибавило, что оно „отнюдь не намѣрено воспользоваться военными обстоятельствами для какого-либо промедленія по осуществленію вышеизложенныхъ реформъ и мѣропріятій.

И дѣйствительно, послѣдующіе дни послѣ переворота принесли Россіи одно за другимъ осуществленія ряда указанныхъ въ этой программѣ великихъ преобразованій—полная амнистія, отмѣна смертной казни, отмѣна всякихъ вѣроисповѣдныхъ и національныхъ ограниченій, цѣлый рядъ преобразованій въ военномъ быту и т. д. И уже пользуется страна полною свободой и слова, и печати, и собраній, и союзовъ. Временное правительство неуклонно и съ поразительною энергіей идетъ по пути, какой передъ нимъ начертанъ. Окружается оно все болѣе глубокимъ и широкимъ довѣріемъ и въ странѣ и, въ частности, въ арміи, и на фронтахъ. Совершившійся переворотъ получаетъ незыблемую основу.

Оставался въ тѣ первые дни нерѣшеннымъ вопросъ о династіи, о судьбѣ ея представителя Николая II. Но, нерѣшенный вопросъ этотъ былъ уже предрѣшенъ въ общенародномъ сознаніи, предрѣшенъ и въ сознаніи временнаго правительства.

Еще 27-го февраля всѣмъ было ясно въ Таврическомъ дворцѣ, что дни Романовыхъ на русскомъ

тронѣ сочтены, что остались имъ тутъ даже не дни, но часы. И если не было полнаго единомыслія въ вопросѣ о томъ, кто или, точнѣе, что его смѣнитъ, то было полнѣйшее единомысліе относительно того, что царемъ Николай не будетъ, что долженъ онъ отречься отъ престола. И это совершилось въ ближайшіе дни.

Николай II былъ въ ставкѣ, зналъ, хотя и не въ полной точности, что происходитъ въ Петроградѣ. Между прочимъ освѣдомляла его объ этомъ, хотя и кратко, царица изъ царскосельскаго дворца. Онъ рѣшилъ двинуться въ Петроградъ, надѣясь, должно быть, что тамъ еще найдутся вѣрные ему люди, вѣрное ему и готовое встать за него противъ народа войско. Онъ не понималъ, какъ глубокъ совершившійся переворотъ, и какъ уже давно утеряны имъ вездѣ, во всѣхъ кругахъ русскаго народа и войска всякій авторитетъ, довѣріе и уваженіе. Онъ тронулся въ путь. Но доѣхать въ Петроградъ уже не могъ. Въ Псковъ къ нему пріѣхали Гучковъ и депутатъ Шульгинъ.

И здѣсь 2-го марта былъ Николаемъ подписанъ актъ объ отреченіи. Отрекаясь отъ престола за себя и за малолѣтняго сына, Николай передавалъ престолъ брату Михаилу Александровичу. Но въ сознаніи народномъ, въ сознаніи тѣхъ, которые были поставлены теперь во главѣ Россіи, какъ ея временное правительство, уже произошелъ новый сдвигъ, сложилось отрицательное отношеніе къ продолженію династіи Романовыхъ на престолѣ въ

лицѣ какого бы то ни было ея представителя. Съ этимъ рѣшеніемъ представители новой власти отправились къ Михаилу Александровичу. Онъ безъ сопротивленія пошелъ навстрѣчу рѣшенію. И послѣдовало его отреченіе отъ престола, въ актѣ котораго Михаилъ Александровичъ полно признаетъ верховенство народа, его воли, какъ она выразится въ учредительномъ собраніи. Такъ былъ ликвидированъ династическій вопросъ. Воля народа русскаго, собравшагося въ лицѣ свободно избранныхъ его представителей въ учредительное собраніе, рѣшитъ, какова будетъ форма государственнаго устройства Россіи, будетъ ли то конституціонная монархія, или то будетъ республика, полное народовластіе. Никому не дано предрѣшать этотъ вопросъ, предвосхищать рѣшеніе свободной воли народной. Но въ общественныхъ и народныхъ теченіяхъ, какъ они ярко обозначились послѣ переворота, все больше опредѣляется сочувствіе Россіи именно къ последней государственной формѣ, къ формѣ республиканской, т. е. такой, въ которой правитъ страною самъ народъ черезъ свое представительство и черезъ выбираемаго имъ на срокъ президента республики, форма, которая прочно установлена во Франціи и въ Америкѣ.

Вслѣдъ за Петроградомъ пошла Москва, быстро и почти безъ жертвъ совершившая у себя переходъ къ новому строю, за Москвою—вся Россія, до самыхъ далекихъ ея окраинъ, Сибири, Кавказа, Туркестана. Всюду старая власть замѣнена новою,

всюду враги свободной Россіи поставлены въ невозможность ей вредить и строить козни новому строю. Вошла Россія въ новую полосу исторіи, вошла въ новую жизнь. Еще есть болѣзненныя судороги, не можетъ ихъ не быть. Слишкомъ великъ и рѣшителенъ переворотъ. Но уже слабѣютъ и эти послѣднія судороги. Выходитъ Русь на широкую свѣтлую дорогу—къ счастью, къ свободѣ, къ братству. Все, самое смѣлое, самое прекрасное, о чемъ могла она мечтать, о чемъ мечтала, къ чему готовилась—все сбылось. Свершилось чудо. И съ восхищеніемъ взираютъ другіе народы на Россію, шлютъ ей свои восторженные привѣты.

Такъ совершился великій переворотъ. Такъ старое было сброшено въ грязь дружнымъ, согласнымъ натискомъ всей страны, всѣхъ людей, всѣхъ ея классовъ. Объединенностью ихъ силъ, ихъ единствомъ завоевана побѣда, которой равной не знаетъ прошлое. Да пребудетъ же эта согласованность, это единство нерушимыми до тѣхъ дней, когда новый строй станетъ незыблемымъ, несокрушимымъ, когда уже никто не сумѣетъ, не дерзнетъ даже попытаться отнять у русскаго народа его славную побѣду. Да не прійдутъ раздоры и не внесутъ розни, не наведутъ тучъ на небо Россіи, въ которомъ ярко горитъ теперь и льетъ на всѣхъ свои живительные лучи солнце свободы!

СКЛАДЫ ИЗДАНІЯ:

1. Книгоиздательство «ШКОЛА» Москва, Спиридоновка 14.
2. Кн. складъ «НАРОДНОЕ ПРАВО» Москва, Моховая 14.